

УДК 330.3

США – ЯПОНИЯ: ОККУПАЦИЯ, ВТОРОЙ ЭТАП (1948 – апрель 1951 г.)

© 2017 г. **М.Г. Носов***

Статья поступила в редакцию 6.03.2017.

Успешно проведя первый этап оккупации, главной задачей которого была демилитаризация Японии, США приняли решение пересмотреть свою политику. Новый этап оккупации получил название "обратного курса". К середине 1948 г. стремительный распад мира на две политические системы и проблемы, с которыми сталкивалась Япония, активизировали намерение Соединённых Штатов изменить вектор американской оккупационной политики в сторону восстановления японского экономического потенциала и превращения Японии в союзника Вашингтона.

Ключевые слова: США, Япония, Макартур, Трумэн, "обратный курс".

К середине 1948 г. стремительный распад мира на две политические системы и проблемы, с которыми сталкивалась Япония, активизировали намерение США изменить вектор американской оккупационной политики в сторону восстановления японского экономического потенциала и превращения Японии в союзника. "Холодная война" разделила Европу на два лагеря и теперь наступила очередь Азии.

В Вашингтоне, чья внешняя политика была в первую очередь сосредоточена на Европе, не слишком хорошо представляли себе реальную ситуацию в Азии и обвинения в адрес демократов в том, что они "потеряли Китай", не были лишены оснований**. Посетивший Японию в феврале 1949 г., министр армии Кеннет Роялл заявил на пресс-конференции в американском посольстве, что "в случае войны с СССР или даже в период "холодной войны" Япония станет скорее всего бременем, поэтому, с точки зрения американской политики, было бы рациональным вывести из неё все войска". Политический советник Макарута Уильям Сибольд, сменивший погибшего в авиакатастрофе Джорджа Атчесона, расценил это заявление как "тяжёлый удар по престижу Америки в

* **НОСОВ Михаил Григорьевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Европы РАН. Российская Федерация, 125009 Москва, Моховая ул., 11-3 (mikhailnosov@mail.ru).

Продолжение авторского цикла статей об истории развития отношений США и Японии. См.: "США ✧ Канада". 2011: № 1, 2, 7, 11; 2012: № 4, 11; 2013: № 7, 12; 2014: № 8.; 2015: № 2, №8; 2016: №4, 12. – *Ред.*

** В начале 1950 г. были опубликованы документы, подтверждающие, что госсекретарь Дин Ачесон, вопреки мнению Пентагона, убедил президента Трумэна не вмешиваться в конфликт в Китае. В США была развёрнута кампания против "левых", обвинённых в предательстве национальных интересов.

Японии, а возможно и на всём Дальнем Востоке. Вероятно, ни какое другое заявление не смогло бы так успешно возродить японский интерес к возможности или желательности ориентации на Советы, особенно в свете недавних событий на Азиатском континенте"¹.

Штаб Верховного главнокомандующего союзными войсками в Японии Дугласа Макартура и американская армия блестяще и без единого выстрела провели разоружение и демобилизацию японской армии. В стране успешно состоялась аграрная реформа, были заложены основы развития демократического общества. Всё это было сделано не без влияния американских либералов в оккупационной администрации. На первом этапе оккупации – проведении реформ, часть из которых была инициативой Макартура, а другие шли по указанию Вашингтона, была принята новая конституция, из тюрем выпущены политические заключённые, включая коммунистов, женщины получили избирательные права, император лишился божественного статуса. В то же время в экономике сохранялась тяжелейшая ситуация, которая не слишком изменилась за годы оккупации.

За два года индекс промышленного производства составлял всего 45% уровня 1930–1934 гг., экспорт – 10%, а импорт – около 30%. Инфляция только с сентября 1945 по август 1948 г. выросла на 700% [Schonberger Н. 1989: 202]. В основном страна выживала за счёт американской продовольственной помощи – её пик пришёлся на первые два года оккупации. Всего за 80 оккупационных месяцев помощь составила 2,2 млрд. долл. США (в ценах 2005 г. – 15,2 млрд. долл.), из которых 77% пришлось на гранты и 23% – на займы. Гранты в основном предоставлялись по линии *GARIOA* (*Government and Relief in Occupied Areas*). Из 504 млн. долл., в виде займов, Япония выплатила 490 млн. долл. Из общей суммы помощи 89,7 млн. долл. США забрали на административные расходы и фактически помощь составила 1,9 млрд. долл., что равнялось 15% импорта и 4% ВВП Японии за этот период². 59% американской помощи было предоставлено в форме продуктов питания, 15% пришлось на поставки промышленных товаров, 12% – на транспортное оборудование³.

Теперь перед оккупационными властями была поставлена задача изменения направленности проводимых в Японии реформ, прежде всего тех, которые касались уничтожения крупнейших японских монополий, что рассматривалось как препятствие на пути восстановления японской экономики. В ходе проводимых штабом Макартура чисток пострадали 1535 представителей деловых кругов. Это составило 1% от всех категорий японских граждан, подвергнувшихся репрессиям со стороны оккупационных властей [Hadlley E. 1970: 87-90]. В феврале 1948 г. 325 компаний, или три четверти японского промышленного

¹ FRUS, 1949, Vol. VII, p. 648-649.

² Serafino Nina, Tarnoff Curt, and Nanto Dick. U.S. Occupation Assistance: Iraq, Germany and Japan Compared, 23.03.2006, CRS Report for Congress.

³ Эффективность помощи снижалась тем, что японское правительство выплачивало компенсационных властей хозяевам тех зданий, которые были реквизированы американцами под нужды оккупации. Всего за время оккупации японцы выплатили более 4 млрд. долл., что в 2 раза превышало стоимость американской помощи [Nanto D. 1977: 66, 145].

потенциала, попали в категорию "избыточной концентрации экономической мощи", их роспуск, по оценке Томаса Биссона, известного своими социалистическими взглядами штабного сотрудника, "был необходим для устранения правого феодализма и милитаризма и левого революционного насилия" [Bisson Th. 1954].

Макартур считал, что восстановление экономики невозможно без заключения мирного договора, тогда как в Вашингтоне настаивали на приоритете восстановления экономики. Администрация США исходила из успешного опыта плана Маршалла, однако проводить экономические реформы в Японии было необходимо в условиях ограниченного американского финансового участия. Президент Трумэн не допускал использования американских денег для восстановления японской экономики, поскольку хорошо понимал, что американцы ещё не забыли Пёрл-Харбор и не одобряют использование средств налогоплательщиков и избирателей для восстановления экономики недавнего врага.

Если после окончания Второй мировой войны своим потенциальным союзником в этом регионе американцы рассматривали, прежде всего, Китай, то очевидность провала политики Чан Кайши превращала Японию из бывшего противника в будущего союзника. Место главного врага Запада всё больше переходило к СССР, а Япония с её охраняющимся экономическим потенциалом должна была стать опорой военно-политической стратегии США в Азии*.

В Европе механизмом восстановления экономики стал выдвинутый в 1947 г. план Маршалла, в случае же с Японией требовался кардинальный пересмотр американской оккупационной политики. Пересмотр, получивший название "Обратный курс", был направлен на переход от превращения Японии из страны, которая больше никогда не сможет угрожать безопасности Соединённых Штатов и быть для них экономическим конкурентом, в государство, которое, при сохранении политической и военной зависимости от американцев, сможет не только обеспечивать себя экономически, но и окажет содействие в восстановлении экономики стран – союзников США в регионе.

Вопрос о конкурентоспособности Японии в то время, в силу понятных причин, пока не ставился. Восстановление экономики требовало отказа США от репараций, увеличения помощи, прекращения политики децентрализации японских монополий (дзайбацу), отказа от политических чисток. Все эти меры находились в противоречии как с политикой проводимой Макартуром, так и с первоначальными установками Белого дома**. Раздраже-

* С 1937 по 1944 гг. японская промышленность развивалась высокими темпами. За этот период машиностроение выросло на 252%, производство стали – на 46%, производство цветных металлов – на 70% [Dover J. 1993: 13]. Япония потеряла сырьевые рынки и многие предприятия были разрушены, но сохранилась система организации производства, квалифицированная рабочая сила и инженерный состав.

** Макартур скрупулёзно, хотя и не всегда охотно, следовал указаниям Вашингтона и Дальневосточной комиссии для Японии, которая весной 1947 г. по инициативе США приняла документ *FEC-230*, требовавший роспуска дзайбацу и наказания представителей бизнеса. Делал он это несмотря на то, что первоначально выступил категорически против экономических чисток, назвав их

ние в Вашингтоне вызывали и такие демократические реформы, проводимые штабом, как легализация Коммунистической партии Японии или создание массовых профсоюзов. На фоне усиления противостояния между СССР и США считалось, что реформы могут создать коммунистическую угрозу для Японии.

Кроме всего прочего, недовольство Белого дома оккупационной политикой определялось и тем, что Макартур рассматривался в качестве угрозы для демократов на предстоящих в 1948 г. президентских выборах. По опросам Службы Гэллапа, с 17 июня 1946 г. по 9 марта 1947 г. генерал считался "наиболее обожжаемой фигурой в мире"³. Приезжавший в 1946 г. в Токио бывший президент США Герберт Гувер, которого с Макартом связывали дружеские отношения, без большого труда убедил амбициозного генерала принять участие в президентских выборах. Однако вторая заочная попытка Макарта попасть в Белый дом тоже закончилась провалом. В апреле 1948 г. на первых же праймериз Республиканской партии, проходивших в штате Висконсин, Макартур оказался вторым с 8 голосами, пропустив вперёд бывшего губернатора Миннесоты Гарольда Стассена*, набравшего 27 голосов. Следующие праймериз в Небраске он вновь проиграл, после чего сошёл с гонки. Перестав быть политической угрозой для демократической администрации, Макартур оставался фактическим единоличным правителем Японии, что в Вашингтоне рассматривалось как препятствие на пути тех реформ, которые с точки зрения американской администрации, а главное бизнеса, могли способствовать превращению Японии из врага в зависимого от США союзника в проведении политики сдерживания.

В начале 1948 г. стала очевидна необходимость создания механизма для реализации курса восстановления японской экономики. Поэтому ради лоббирования политики противостояния штабу Макарта 28 июня 1948 г. был создан Американский Совет по Японии (АСЯ – АСЛ). Его возглавил один из руководителей влиятельного американского журнала "Ньюсуик" Гарри Керн. В Совет вошли бывший посол США в Токио Джозеф Грю, видные представители американского бизнеса и известные журналисты. Целью организации было заявлено "информирование американского общественного мнения и помощь администрации Трумэна в разрешении проблем, возникающих параллельно намерениям добиться победы в Японии" [Shonenberg H. 1989: 136]. Одним из вдохновителей деятельности "японского лобби" был банкир, бывший американский посол в Москве и один из крупнейших акционеров "Ньюсуика" Аверелл Гарриман, назначенный в октябре 1946 г. министром торговли. Инструментом реализации поставленных Советом задач была пресса, административ-

"слишком либеральными" и "невыполнимыми", ведущими к удушению свободного предпринимательства" [Schonberger H., 1973: 16-31]. Однако позже, когда в декабре 1947 г. на заседании Дальневосточного Совета представитель США генерал Фрэнк Маккой выступил с заявлением о том, что США отказываются от проведения антитрестовской политики в Японии, Макартур высказался за продолжение политики расформирования крупных концернов.

³ The Gallup Poll, vol. I, 1935-1948, New York, 1972.

* Рекордсмен по номинациям в кандидаты на пост президента США Г. Стассен с 1944 по 1992 гг. 9 раз безуспешно пытался участвовать в праймериз от Республиканской партии.

ный и финансовый ресурсы, плюс широкие довоенные связи с деловыми и политическими кругами в Японии.

Родившийся и выросший в Кобе, корреспондент "Ньюсуика" в Токио Комптон Пакенхам весьма критично оценивал оккупационную политику Макартура. Прекрасно владевший японским языком, Пакенхам сохранял доверительные контакты с такими видными политическими фигурами Японии, как тесть премьер-министра Ёсида, бывший министр двора Макино Нобуаки и бывший посол Японии в Вашингтоне Номура Кисасабуро, что давало ему возможность получать информацию о положении в стране из первых рук. Уже в июле 1946 г. Пакенхам писал Керну о том, что "не возникает вопроса относительно того, что оккупация это провал, провал, провал"⁴. В 1947 г. в журнале были опубликованы статьи, осуждавшие чистки в японском бизнесе, что вызвало гнев Макартура, потребовавшего высылки корреспондента из Японии. Сделать ему это не удалось и только усилило напряжённость в его отношениях с Вашингтоном.

Администрация приготовилась к длительной и хорошо эшелонированной осаде штаба. В реформировании оккупационного плана были заинтересованы, в первую очередь, политики, которые считали необходимым превратить Японию из поверженного противника в сателлита, и представители большого бизнеса, видевшие возможность восстановления выгодного экономического сотрудничества. Перед реформаторами стояла как задача пересмотра собственной политики в отношении Японии, так и коррекция излишней, с их точки зрения, самостоятельности Макартура. Исполнителями предполагаемых реформ стали три фигуры, которые наряду с Макартуром, внесли вклад в переустройство Японии. Это генерал и бывший банкир Уильям Драпер, дипломат Джордж Кеннан и банкир Джозеф Додж.

Несмотря на негативное отношение Вашингтона, Макартур оставался главной политической фигурой послевоенной Японии. По своим политическим взглядам генерал принадлежал скорее к правому консервативному крылу Республиканской партии, чем к либералам и демократам, чья идеология на первом этапе оккупации доминировала в основе политических реформ, проводимых в Японии штабом. При этом, несмотря на свой откровенный антикоммунизм, Макартур достаточно терпимо относился к своим сотрудникам, имевшим левые взгляды. Когда в марте 1948 г. приехавший в Японию Кеннан, который считал, что проводимая Макартуром политика сделала "японское общество уязвимым для коммунистической угрозы" [Kennan G. 1967: 39], спросил генерала о правдивости слухов относительно коммунистов, работающих в его штабе, тот ответил: "Возможно, и у нас они есть, как они есть и в военном министерстве и в Госдепартаменте, но большого значения это не имеет" [Kennan G. 1967: p. 190].

Подобный парадокс был связан с двумя причинами. Во-первых, среди тех американцев, кто "в поле" разрабатывал и осуществлял реформы в Японии, было много либералов, демократов и даже людей с откровенно левыми взглядами. Во многом терпимое отношение к левым сразу после войны объяснялось

⁴ Harry Kern's Story // The Daily Yomiuri, 1.09.1979, p. 2.

как и всё ещё существовавшей инерцией союзнических отношений между СССР и США, так и популярностью в США социалистических идей во время войны и сразу после её окончания. Во-вторых, консерватизм отнюдь не исключал такого понятия как свобода и демократия. Макартур, будучи консерватором, ортодоксом и ярким противником коммунистической идеологии, не только свято верил в универсальность таких американских ценностей как идеалы свободы и демократии, но и хорошо понимал, что разрушение японского милитаризма и тоталитаризма невозможно без революционных преобразований японского общества.

Однако одно дело верить в принципы демократии и свободы, считая их американскими, хотя и универсальными, основами глобального мироустройства, совсем другое – процесс насаждения их в стране, где свобода веками была ограничена сословной иерархией, а опыты с демократией носили краткосрочный и весьма поверхностный характер в 20-е годы XX века. В то же время, разрушив такие институты насилия, как армия и полиция, приняв активнейшее участие в создании демократической и пацифистской конституции, американцы сохранили почти в первозданном виде японскую систему управления, включая парламент, и старую бюрократию, поскольку другого чиновничества у Японии не было и в то время не могло быть. Демократические реформы, проводимые Макартуром в Японии, отчасти были мотивированы и стремлением генерала привить ещё одну универсальную американскую ценность – религию. Макартур считал, что "чем больше христианских миссионеров приедет в Японию, тем больше американских солдат можно будет отправить на родину" [McArthur D., 1964: 356]. По его распоряжению в США отпечатали и ввезли в Японию 10 млн. карманных Библий на японском языке, а своё пребывание в Японии сам Макартур рассматривал как христианскую миссию.

В военном ведомстве США курирование Японии поручили генералу Драперу, удачно сочетавшему в себе ипостаси банкира, военного и дипломата. До Второй мировой войны он занимал пост вице-президента крупной инвестиционной компании "Диллон и Рид", затем служил в армии, а после окончания войны его назначили руководителем экономического отдела Контрольного Союзного Совета для Германии в звании бригадного генерала. В июле 1947 г. был учреждён пост министра обороны, и Драперу, ставшему заместителем министра, поручили контроль над оккупированными территориями. Его первой командировкой в сентябре того же года стала поездка в Японию, носившая чисто протокольный и ознакомительный характер. В Токио он встретился с Макартуром и с членами японского кабинета, включая премьер-министра социалиста Каяма Тэцу. Больше всего его поразил высокий уровень сотрудничества между оккупационной администрацией и японским правительством, что было отнесено им к заслугам штаба, а к недостаткам его работы была отнесена политика разукрупнения монополий, что делалось по первоначальным указаниям Вашингтона.

В Госдепартаменте Японию курировал опытный дипломат Дж. Кеннан*, назначенный после службы в американском посольстве в Москве в 1945–1946 гг. руководителем отдела планирования внешней политики Госдепартамента. Он занимался планом Маршалла и Европой, в сферу обязанностей Кеннана входила и Япония, о которой он, впрочем, как и его начальство, имел весьма смутные представления**. Фактически возглавив японское направление американской дипломатии в октябре 1947 г., Кеннан направил в администрацию секретный меморандум, в котором представил контуры будущего мирного договора с Японией. Документ утверждал, что слишком раннее подписание договора, на чём настаивал Макартур, опасно в силу неготовности японского общества к самостоятельному управлению, что может привести к усилению влияния коммунистической идеологии. В то же время, говорилось в докладе, необходимо уже с середины 1948 г. начать работу по подготовке договора с Японией вместе с союзниками, включая СССР. В меморандуме была оговорка: в случае невозможности достижения согласия между союзниками, США могут использовать свой реальный оккупационный статус для достижения де-факто мирного статуса Японии.

Понимая сложность отношений между Госдепартаментом и штабом, и в отсутствие прямого диалога между госсекретарём Дж. Маршаллом и Макартом, чьи личные отношения были далеко не безоблачными, Кеннан принял решение отправиться в Токио в конце февраля 1948 г. Перед ним была поставлена задача убедить Макарта в необходимости тщательной подготовки мирного договора с Японией, обсудить с ним место этой страны в структуре американской политики обеспечения безопасности в Азии и заставить генерала прекратить политику роспуска японских монополий. Всё перечисленное было продиктовано как интересами американского бизнеса, стремящегося восстановить довоенные деловые связи с Японией, так и необходимостью преодолеть стагнацию японской экономики, что было неременным условием для подготовки страны к подписанию мирного договора.

Кеннан трижды встречался с Макартом, в их последней встрече принял участие и Драпер, снова приехавший в Токио. На встрече обсуждались, прежде всего, такие политические вопросы, как подписание мирного договора и проблемы безопасности Японии. Драпер довёл до Макарта мнение Министерства обороны о необходимости создания в Японии небольших вооружённых сил после вывода оттуда американских войск. Макартур категорически возражал, считая, что это решение "прямо противоречит... торжественным международным обязательствам... приведёт к отчуждению стран Дальнего Востока, которые смертельно опасаются ремилитаризации Японии... и к тому же данное решение противоречит основополагающим принципам политики штаба, проводимой со дня капитуляции Японии". Кроме того, по словам гене-

* Кеннан был автором "длинной телеграммы", направленной им в феврале 1946 г. из Москвы в Госдепартамент, в которой была сформулирована внешнеполитическая доктрина "сдерживания" СССР.

** Япония оставалась на периферии американской политики. Госсекретарь Дин Ачесон между 1949 и 1952 гг. 11 раз побывал в Европе и ни разу в Японии.

рала, "милитаризация Японии подрвёт её способность к экономическому возрождению, а страна станет лакомым куском для Советской России"⁵.

Макартур считал, что безопасность Японии должна обеспечиваться американской авиацией, базирующейся на Окинаве, а не американской армией и флотом. Что касается оккупационных войск, то "они должны оставаться в Японии только до подписания мирного договора как средство обеспечения внутреннего порядка в стране и демонстрации того, что американцы не бросают японцев"⁶. Генерал выступал категорически и против сохранения американского военного присутствия в Японии после заключения мирного договора. Он обосновывал это тем, что, если американцы останутся в Японии, этого же захотят и другие участники оккупации. Выступая за полную отмену выплаты Японией репараций, он поддерживал необходимость её экономического возрождения, отмечая свои собственные усилия в этом направлении. Генерал жаловался на "бесстыдный эгоизм стран – участников оккупации в отношении Японии"⁷, имея в виду требования союзников продолжать политику репараций.

По мнению Макарура, гарантом будущей безопасности Японии должен был выступать договор о демилитаризации страны, подписанный всеми союзниками (включая СССР) вместе с мирным договором. В этом случае СССР тоже становился гарантом безопасности Японии и соблюдения условий этого договора. С генералом не согласился Кеннан, считавший коммунистическую угрозу со стороны Москвы достаточно высокой, а идею превращения Японии в демилитаризованное государство под наблюдением союзников, включая СССР, противоречащей реальности.

Серьёзную обеспокоенность приехавших американцев вызывала и необходимость решения территориальных проблем Японии. По мнению Кеннана, Южно-Курильские острова должны были остаться за Японией^{*}, а Бонинские острова (Огасавара), острова Волкано (Иводзима) и остров Маркус должны были остаться под стратегическим мандатом США^{*}. Что касается Окинавы, то позиция Кеннана была не слишком определённой. Японцы увязывали возвращение Южных Курил с сохранением контроля над Окинавой. В письме политического советника штаба Макарура Джорджа Атчесона президенту Трумэну в июне 1947 г. говорилось: "Недавние высказывания министра ино-

⁵ FRUS, 1948, vol. VI, p. 708.

⁶ Ibid., p. 709.

⁷ Ibid., p.700-701.

^{*} В марте 1948 г. главный специалист Госдепартамента Самуэль Боггс по запросу Кеннана провёл исследование на тему о географической общности Кунашира и островов Хабомаи и Шикотан. В его докладе говорилось: "Мы не имеем достаточной информации относительно геологии, физической географии, растительности и прочих параметров островов Хабомаи и Шикотан. Однако на основе имеющейся информации, эти острова могут быть с достоверностью классифицированы как географически отдельные, а не как часть Курил. Возможно, они являются продолжением восточного полуострова на восточной части Хоккайдо". Однако, "неизвестно насколько эта информация может способствовать решению проблемы, поскольку не удалось найти карты, которые использовались на Ялтинской конференции при решении вопроса о Курилах. На основе имеющейся информации и беседы с Чарльзом Боленом (в 1945 г. переводчик Ф. Рузвельта) и другими специалистами у меня сложилось мнение, что в то время вопрос о Хабомаи и Шикотане не рассматривался" (FRUS, 1948, vol. VI, p. 688-689).

^{*} Острова были возвращены Японии в 1968 г.

странных дел Асида Хитоси о желании японцев вернуть Южные Курилы и Окинаву вызвали легко предсказуемое неудовольствие в некоторых дипломатических кругах. Нам не верится, что Асида говорил от имени японского народа или даже японского правительства. Как нам представляется, удержание Соединёнными Штатами Окинавы (под эгидой ООН или как-то по-другому) в будущем станет залогом сохранения нашего влияния в этом районе"⁸. Кеннан считал, что решения по Окинаве будут приниматься в зависимости от предложений военных, "учитывающих желательность, во-первых, американского стратегического мандата над этими островами и, во-вторых, долгосрочной аренды баз и номинального суверенитета над территориями, сохраняемыми Японией"⁹.

Перед приездом в Токио Кеннан подготовил для штаба записку о целях американской политики в Японии, которые заключались "в достижении максимума стабильности японского общества" в опоре на "твёрдую американскую политику в сфере безопасности". По его мнению, всё это требовало "интенсивной программы экономического восстановления" и "ослабления оккупационного контроля, что позволило бы возродить "большее чувство ответственности самих японцев"¹⁰. Вопрос ослабления оккупационного контроля весьма беспокоил Макартура, считавшего, и не без оснований, что Вашингтон стремится ограничить его властные полномочия в Японии. Позиции Макартура и Драпера совпадали в вопросе о необходимости отказа от репараций, которые, по словам генерала, "Япония сполна выплатила, потеряв имущество в Маньчжурии и Корее и Северном Китае на сумму более чем 50 млрд. долларов"¹¹.

Вернувшись в Вашингтон в конце марта 1948 г., Кеннан направил в Госдепартамент свой доклад, содержащий рекомендации по формированию американской политики в отношении Японии. В нём отмечалось: "Американские тактические силы должны находиться в Японии до вступления в силу мирного договора. Окончательная позиция США, касающаяся военной безопасности Японии после заключения договора, не должна формулироваться до окончания переговоров по мирному договору. Она будет выработана с учётом развития ситуации в мире и уровня внутренней стабильности, достигнутой в Японии. Если к этому моменту Россия, продолжит оставаться угрозой и не будет проводить трезвую политику или в случае, если японское общество всё ещё будет политически уязвимым, нам придётся или отложить заключение договора, или настаивать на ограниченной ремилитаризации Японии, предпочтительно под руководством и контролем США. Однако, если к этому времени ситуация с Россией значительно улучшится и мы почувствуем уверенность относительно внутренней стабильности Японии, нашей целью должна будет стать её полная ремилитаризация, гарантированная мирным договором, имеющим чёткий и конкретный характер, участием кото-

⁸ FRUS 1947, vol. VI, p. 231.

⁹ Ibid., p. 539-540, Memorandum by the Director of the Policy Planning Staff (Kennan) Top Secret, Wash. D.C., 14.10.1947.

¹⁰ FRUS, 1948, vol. VI, p. 609-706.

¹¹ Ibid., p. 710-711.

рого должна быть и Россия"¹². Визит Кеннана подавался в американской печати под броскими заголовками: "Решительный поворот в американской политике"; "Визит Кеннана – свидетельство политики превращения Японии в бастион антикоммунизма".

Миссии Кеннана и Драпера были первой серьёзной попыткой Вашингтона нарушить монополию Макартура на власть. По итогам их поездки было подготовлено несколько материалов для администрации США. По инициативе Драпера 3 октября по линии Министерства обороны появился документ "Экономическое возрождение Японии", где впервые речь велась об "обратном курсе". Параллельно была разработана программа, предусматривающая использование собственных возможностей Японии для экономической реабилитации. Предлагалось, во-первых, отказаться от репарационного перемещения японских производственных мощностей в страны Азии, пострадавшие от японской агрессии. Во-вторых, Драпер и его сторонники призывали к отказу от политики роспуска и децентрализации дзайбацу, которые должны были стать основой промышленной базы страны. В-третьих, сторонники реформ настаивали на прекращении кадровых чисток, затрагивающих бизнес.

Совместные рекомендации Кеннана и Драпера стали основой документа Совета Безопасности США *NSC-13/2*, определяющего меры по подготовке мирного договора с Японией¹³. Интересно, что рекомендация была принята в день провозглашения доктрины Трумэна*. С точки зрения глобальной политики директива полностью совпадала с доктриной Трумэна. В документе говорилось: "В силу того, что советская политика – это политика агрессивного коммунизма, наше правительство не должно настаивать на скорейшем подписании договора". Переговоры с союзниками предлагалось выработать на основе решений, принятых большинством голосов, что практически лишало СССР гипотетического права вето¹⁴.

Макартур был категорически против вмешательства Белого дома в политику штаба, считая, что он как военный обязан подчиняться исключительно указаниям КНШ или как командующий оккупационными силами – решениям Дальневосточной комиссии. Миссии Кеннана и Драпера он расценивал в качестве попытки большого бизнеса свести на нет его политику спасения Японии от авантюристов [Hadley E. 1970: 87-90]. Вашингтон был недоволен. В июле 1949 г. политический советник Макартура Сибольд в ответ на вопрос генерала об отношении к нему администрации заметил: "Вы являетесь не только Верховным главнокомандующим оккупационными войсками, но и офицером США, подчиняющимся приказам правительства США, что позволяет президенту сместить Вас с должности в любой мо-

¹² Ibid., p. 700. Report by the Director of the Policy Planning Staff (Kennan).

¹³ Progress Report on the Implementation of the Position of US Policy toward Japan. 5.04.1949, Top Secret, NSC 13/2, FRUS, vol. VI, p. 858-861.

* Доктрина Трумэна – 12 марта 1947 г. президент выступил перед Конгрессом, провозгласив политику сдерживания СССР и помощи Греции и Турции под предлогом защиты от коммунистической угрозы.

¹⁴ FRUS, 1948, vol. VI, p. 777.

мент". На этот аргумент Макартур ответил, "что он может быть снят исключительно решением, одобренным всеми союзными державами, с чем не согласился Сибольд, сказав, что подобная точка зрения не разделяется политиками в Вашингтоне"¹⁵.

В день появления доктрины 13/2 Ёсида встретился с Макартуром и объявил о своём намерении возглавить кабинет, что было одобрено генералом, несмотря на то, что до этой встречи штаб рассматривал другие кандидатуры на пост премьер-министра*. 14 октября 1948 г. Ёсида был избран премьером, даже несмотря на то, что его партия имела в парламенте только треть из 466 мест. Первый кабинет просуществовал лишь до декабря, и на февраль 1949 г. были назначены новые выборы в парламент, на которых Ёсида выступал под лозунгами скорейшей экономической стабилизации и подписания мирного договора, что вполне совпадало с позицией штаба. Либеральная партия Ёсида получила абсолютное большинство в 264 голоса и в 2 раза увеличила количество мест в нижней палате. На следующий день после выборов Макартур сделал заявление, в котором говорилось, что "все народы свободного мира могут испытывать удовлетворение от активных и справедливых выборов в Японии, которые в критический для Азии момент дали ясный и решительный мандат консервативной философии правительства" [Masumi Junnosuke, 1985: 180]. Несколько омрачало победу консерваторов то, что японские коммунисты получили 35 мест в палате представителей, но Ёсида заверил штаб в том, что "это предел успеха для коммунистов, поскольку японцы ненавидят Россию и опасаются коммунистической идеологии" [Finn R. 1992: 217].

В декабре 1948 г. от имени администрации США Макартуру была направлена телеграмма – срочно потребовать от японского правительства скорейшего претворения в жизнь экономической программы, включающей в себя налоговую, денежную и ценовую стабилизацию, упорядочение заработной платы и максимальное увеличение выпуска экспортной продукции¹⁶. Если Макартур смог решить проблемы капитуляции и ремилитаризации Японии и создать основы её демократизации, а Кеннон и Драпер сформулировали задачи восстановления японской экономики, то перед дейтройтским банкиром Джозефом Доджем была поставлена цель эти задачи воплотить в жизнь.

Додж был тем, кого сегодня называют "кризис-менеджером". Когда в Германии рухнула финансовая система, Верховный командующий оккупационными войсками в Германии Дуайт Эйзенхауэр отправил телеграмму в Вашингтон с требованием немедленно прислать Доджа, для работы по стабилизации экономики. Усилия банкира по снижению инфляции не смогли предот-

¹⁵ FRUS, 1949, vol. VII, p.811.

* Макартур хотел видеть на этом посту 41-летнего лидера Народно-Кооперативной партии Мики Такэо, в своё время учившегося в университете Беркли. Однако Мики отклонил это предложение в пользу Ёсида, чья партия имела большинство в парламенте. Макартур принял решение не вмешиваться во внутренние политические процессы, несмотря на сопротивление своих ближайших советников, а Мики стал премьером лишь в 1974 г.

¹⁶ FRUS, 1948, Vol. VI, p. 1059-1060.

вратить блокаду Берлина в 1948 г., но из Германии он уехал в Австрию, где тоже занялся решением экономических проблем оккупированной страны. Дж. Додж приехал в Японию в феврале 1949 г. как экономический советник Макартура. Направить его в эту страну предложил Драпер, а попросил его поехать туда лично президент Трумэн, обещавший банкиру полную поддержку.

Додж разделял точку зрения Кеннана и Драпера о том, что Япония становится важным пограничным государством в "холодной войне", что требует стабильности её экономики. Он считал, что для достижения этой цели Япония должна сократить расходы государства на социальные нужды и общественные работы и отказаться от полной занятости, которая препятствовала конкуренции. При этом он настаивал на том, что возрождение японской экономики возможно исключительно при опоре на дзайбацу, что противоречило взглядам Макартура, считавшего, что компании ответственны за войну и поддержку милитаризма.

Задача стабилизации японской экономики осложнялась тем, что в 1949 г. она всё ещё оставалась в тяжёлом положении. Промышленное производство составляло лишь 70% предвоенного уровня, а на начало года розничные цены были в 2 раза выше, чем на тот же период предыдущего года. Внешняя торговля оставалась под контролем оккупационного штаба и её дефицит, составивший в 1947 г. 352 млн долл. в 1948 г. вырос до 426 млн. [Hunsberger W. 1964: 106].

Свою работу в Японии Додж начал с контактов с правительством. Он встретился с министром финансов кабинета Ёсида Икеда Хаято, которому изложил своё видение мер по проведению реформ в экономике. Додж предлагал сбалансировать бюджет, сократить государственные расходы, что даст возможность уменьшить инфляцию. Работа над новым бюджетом проходила в нескончаемых спорах между американцами и членами японского кабинета. В качестве оппонентов Доджа выступили сравнительно молодые и в то время не слишком известные политики, получившие бесценный опыт работы и общения с американской элитой. С Доджем по поручению премьер-министра сотрудничали Миядзава Киити, Икэда Хаято, Сато Эйсаку, Окадзаки Кадзуо, из которых трое первых стали в будущем премьер-министрами, а последний – министром иностранных дел и послом в Вашингтоне.

Бюджет 1949 фин. г.,^{*} появившийся в результате месяца переговоров между Доджем и Икеда был назван японской прессой "сверхсбалансированным" за счёт сокращения государственных расходов и роста налогов. Естественно, что эти меры не пользовались популярностью ни у правительства, ни у народа, но по расчётам Доджа и его команды способствовали началу оздоровления японской экономики. Предложенные Доджем меры по сдерживанию инфляции, по его собственному определению, "затрагивали небольшой сегмент населения, тогда как сама инфляция была по большинству" [Schonberger J. 1989: 223]. Действительно, в 1949 фин. г. инфляция составила 24%,

* В Японии финансовый год начинается 1 апреля.

сократившись более чем в 3 раза по сравнению с предыдущим годом, однако ни в 1949 г., ни в первой половине 1950 г. это не привело к росту промышленного производства.

Проведённые Доджем экономические преобразования наряду с сокращением инфляции вызвали рост безработицы, сокращение внутреннего потребления, банкротство мелких предприятий и снижение индексов фондового рынка. Страна оказалось перед угрозой того, что японские и американские средства массовой информации назвали "стабилизационным кризисом" и "экономическим самоубийством"¹⁷. "Линия Доджа" вызывала опасения в возможности возникновения политической нестабильности. Сокращение расходов по многим бюджетным статьям привело к увольнению к концу 1949 г. 140 тыс. только государственных служащих, а всего число потерявших работу составило свыше 260 тыс. [Nanto Dick, 1977: 226]. Сокращение на 60% расходов на содержание государственных железных дорог привело к увольнению 126 тыс. железнодорожников, началу общенациональных забастовок и аресту лидеров профсоюзов, большинство из которых были членами Коммунистической партии. Более 30% мелких и средних предприятий обанкротились, а выжившие были вынуждены сократить выплату заработной платы.

Отношение японского правительства к предложенным реформам было неоднозначным. Стремление Доджа ограничить роль японского правительства при решении экономических вопросов и передать управление рыночным силам не слишком устраивала Ёсида и его кабинет. Правительство не испытывало большого энтузиазма по поводу мер, предложенных Доджем. Ёсида сравнивал этот план "с номером фокусника, который собирается достать кролика из цилиндра, в котором есть место только для крысы" [LaFebr W, 1997: 276]. В свою очередь Додж жаловался на то, что Ёсида "саботировал его план перевода страны на рыночные рельсы" [Dower J., 1979: 422-423]. Однако много лет спустя, вспоминая о переговорах с Доджем, их участник Миядзава, бывший тогда сотрудником Министерства финансов, писал, что "сперва, мы считали его ужасным старцем, но несколько лет спустя убедились в том, что всё происходило именно так, как он говорил" [Miyazawa K. 1975: 14].

С другой стороны, стремление Доджа остановить программу уничтожения дзайбацу нашла полную поддержку кабинета. Требование Вашингтона прекратить политические чистки позволило Ёсида освободить из тюрем некоторых осуждённых военных преступников, двух из которых он хотел сделать членами своего кабинета, чего не допустил Макартур. Однако штаб не стал препятствовать преследованию профсоюзов и коммунистов, начатому Ёсида, который был не меньшим антикоммунистом, чем Макартур, но не был столь озабочен приверженностью принципам демократии.

Отношения между политикой Доджа и действиями японского кабинета строились как на сотрудничестве, так и на сопротивлении предлагаемым ре-

¹⁷ Two Billion Failure // Fortune, April 1949, p. 67.

формам. Американские требования опирались на власть победителей и на финансовые инструменты поддержки бюджета и японской экономики. Ёсида действовал внутри сохранившейся бюрократической системы, позволявшей обходить наиболее радикальные меры, предлагаемые Доджем. Кабинет выступал против сокращения государственных расходов и устранения государства от управления экономикой. Позже Ёсида признавался, что он "саботировал планы Доджа по достижению Японией экономической самостоятельности исключительно за счёт рыночной экономики" [Dower J. 1979: 274], а Додж в свою очередь писал, что, "Ёсида саботировал план по открытию страны для рынка, что позволило бы стране встать на ноги" [LaFebr, 1997: 276]. Реформы Доджа не слишком приветствовались и в штабе Макартура, поскольку во многом шли вразрез с основными постулатами проводимой им оккупационной политики. Главным потенциальным бенефициаром реформ Доджа в стратегическом плане стал японский бизнес, перед которым открывались перспективы установления международных связей и устранения давления со стороны оккупационных властей.

Ощутимым результатом пребывания Доджа в Японии стало принятое 25 апреля 1950 г. решение об установлении твёрдого обменного курса иены (360 иен за доллар), который без изменений просуществовал до 1973 г., и создание по его рекомендации Министерства внешней торговли и промышленности (*Ministry of International Trade and Industry – MITI*)*, вместе с Министерством финансов ставшего финансовым и идеологическим центром возрождения японской экономики и связующим звеном между японским бизнесом и политиками.

После отъезда Доджа, чьё трёхмесячное пребывание в Японии было направлено на оздоровление японской экономики, больших перемен не произошло. Когда в июле 1949 г. советник Госдепартамента при штабе Сибольд вернулся из США и сообщил Макартуру о недовольстве Вашингтона ходом проводимых реформ, генерал резонно заметил, что их проведение требует американских специалистов высокой квалификации, которыми в настоящее время штаб не располагает. По его словам, "...трудности японской экономики явились прямым следствием рекомендаций Доджа, которые он сам должен был бы претворять в жизнь". Другими словами, экспертам, в случае необходимости, следовало на месте отслеживать реализацию своих предложений, по крайней мере, два года"¹⁸.

Реально перестройка японской экономики по американским лекалам не успела получить своего развития ни в 1949 г., ни в 1950 г. Связано это было как с негативным отношением японского правительства к "линии Доджа", так и с отказом администрации США финансировать реформы в полном объёме. Конгресс США выделил на помощь Японии лишь 271 млн. долл. из запрошенных Доджем 394 млн долларов [Schonberger H., 1989: 220-221].

Начавшаяся 25 июня 1950 г. война в Корее коренным образом изменила отношения между двумя странами. Превратившись в тыловую базу американ-

* В 2001 г. его функции перешли к Министерству экономики, торговли и промышленности.

¹⁸ FRUS, 1949, vol. VII, p. 809-812.

ской армии, воевавшей в Корее, Япония стала не только реальным союзником США. У неё появилась возможность получить средства для возрождения своей экономики. С первых часов войны дислоцированные в Японии американские войска были вовлечены в военные действия. ВВС США были направлены в Корею и эвакуировали около 2000 американцев и сотрудников ООН. 29 июня Макартур прилетел в Сувон (городок в 40 км к югу от Сеула), который уже был захвачен армией КНДР. Перед ним стояла задача оценить масштабы военной катастрофы. Макартур направил телеграмму в Вашингтон, в которой обосновал неизбежность участия американских сухопутных сил и авиации в этой войне.

Президент Трумэн фактически дал генералу полную свободу действий в принятии решений. Две из четырёх американских дивизий 8-й армии, дислоцированной в Японии, были отправлены в Корею, где участвовали в кровопролитных боях по обороне Пусана на крайнем юге Корейского полуострова. 10 июля Макартур начал подготовку к задуманной им Инчхонской операции, для проведения которой он потребовал 1-ю дивизию морской пехоты. Относящийся к генералу с обычной антипатией и недоверием Трумэн направил в Токио посла Аверелла Гарримана, который после долгой беседы с Макартуром одобрил его план высадки десанта и расчленения сил КНДР, о чём он доложил президенту. После этого генералу удалось убедить военных в возможности высадить десант в тылу северокорейской армии. 15 сентября рискованная операция началась и закончилась победой. В конце сентября Сеул был отбит, а 8-я армия перешла в наступление, продвигаясь на север от Пусана.

Однако дальнейшие события на Корейском полуострове закончились отставкой Макатура и его отъездом в апреле 1951 г. из Японии. Её формальной причиной стало нарушение субординации. Белый дом был раздражён излишней самостоятельностью генерала и ошибочной, с его стороны, оценкой возможности вступления в войну 18 дивизий китайских "добровольцев", появившихся на территории Кореи в конце октября 1951 года¹⁹.

Японцы провожали Макатура как национального героя. 2 млн. человек стояли вдоль дороги от посольства до авиабазы Ацуги, школьники были освобождены от занятий, а по словам самого Макатура, "многие плакали". Народ Японии высоко оценил, те демократические реформы, которые стали результатом работы штаба. Обсуждалось создание Мемориала Макатура и установка ему памятника в Токийском заливе. Благодарность японцев подогревалась

¹⁹ Формально Трумэн обосновал отставку Макатура тем, что тот направил сенатору Джозефу Мартину письмо с критикой политики Белого дома, которое было зачитано в Конгрессе. Фактически в Белом доме считали, что генерал своими политическими заявлениями, например о необходимости использования тайваньских вооружённых сил в Корее или о распространении военных действий на территорию Китая, выходит за пределы своих полномочий. В своё время в СССР и позже в России бытовала точка зрения, что Трумэн уволил Макатура за намерение использовать ядерное оружие против Китая. На самом деле о таком решении – использовать ядерное оружие против китайской территории 30 ноября 1950 г. объявил на своей пресс-конференции Трумэн, сказав, что "вопрос о его конкретном использовании будет решаться командующим на поле боя". Подобного рода план был разработан Макатуром, поскольку это было решение главнокомандующего, которому генерал был обязан подчиняться.

и первыми признаками выхода из экономического кризиса, появившимися в конце 1950 – начале 1951 года.

Однако благодарность японцев была не слишком долгой. Уже в мае 1951 г., на третий заключительный день слушаний в Сенате, в ходе которых генерал много говорил о высоких боевых качествах японских солдат, о готовности японцев принять социальную революцию и о многих прекрасных качествах японского народа, он сказал также: "По сегодняшним цивилизационным меркам японцы находятся на уровне (мышления) 12-летнего мальчика по сравнению с нашим возрастным уровнем в 45 лет"²⁰. Сказано это было в ответ на вопрос о готовности японцев отстаивать приобретённые в годы оккупации свободы. Отвечая, Макартур попытался сравнить действия США в Японии с тем, что происходило в Германии. При этом вряд ли он хотел подобным сопоставлением обидеть японцев. Однако все планы по увековечиванию памяти генерала в Японии испарились, и Макартур больше никогда не посещал страну, за исключением краткой посадки на базе в Ацути по пути на Филиппины в июле 1961 года.

В своей общественной жизни генерал выступал в четырёх ипостасях – солдата, командующего, администратора и политика. Солдатом Макартур стал в 1899 г., поступив в военную академию Вест-Пойнт, которую закончил в июне 1903 г. Он участвовал в военных операциях против Мексики в 1914 г., а с 1917 г. воевал в американском экспедиционном корпусе во Франции, заслужив девять боевых наград. В ходе операций во Франции и во время войны с Японией, и в Корейской войне Макартур практически всегда руководил войсками, часто находясь в первых рядах. При этом часто присутствовали фотографы и кинооператоры. Такое поведение генерала не было только показным. Оно свидетельствовало и о мужестве и смелости командующего.

Как военный стратег Макартур достиг гораздо меньших успехов. Он проиграл Филиппинскую кампанию в 1941–1942 гг., а его дальнейшие действия в Тихоокеанской войне скорее отражали его личные амбиции, чем стремление сохранить жизни американцев. Он отказался от плана адмирала Нимица, командующего флотом, предлагавшего перерезать коммуникации, снабжавшие оккупированные японцами острова, а не штурмовать их. Самой блестящей операцией Макартура-полковника была высадка десанта в Инчхоне.

Политика не являлась сильной стороной деятельности Макартура. У него были сложные отношения с президентом Ф. Рузвельтом, отвратительные – с президентом Трумэном и его окружением, а три неудачные попытки стать президентом США говорят сами за себя*. Всё то, что он сделал для Японии, в глазах японцев было перечеркнуто одним неосторожным высказыванием.

²⁰ U.S. Senate, Hearings before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Relations, Military Situation in the Far East, May 1951, part I, p. 312.

* Уже после возвращения из Японии в 1952 г. Макартур ещё раз неудачно попытался стать кандидатом в президенты США от Республиканской партии. Несмотря на то что Америка встретила генерала как национального героя, на республиканском съезде в Чикаго он получил лишь 4 голоса, тогда как победивший Дуайт Эйзенхауэр набрал 845.

Однако при всех своих недостатках генерал оказался блестящим администратором. Достаточно вспомнить как он руководил академией в Вест-Пойнте (1919 г.), американской Олимпийской командой (1927 г.) Нельзя не признать и то, что Макартур сыграл огромную роль в превращении Японии из врага США и милитаристского государства в мощную экономическую державу, союзника Вашингтона и крупнейшего торгового партнёра. Военную, а тем более политическую карьеру Макарута можно расценивать по-разному, но результаты пяти лет и восьми месяцев, проведённые им в Японии, многочисленные американские и японские биографы оценили позитивно и высоко. В 1950 г. один из наиболее авторитетных специалистов по Японии и будущий посол США в Токио Эдвин Рейшауэр писал о Макаруте: "Его имя в числе великих в истории Японии и лишь немногие в долгой летописи этой страны стоят выше его. В истории страны после бурных событий Мейдзи выше его нет никого" [Reischauer Ed. 1950: 224]. Это было написано до отставки генерала и его выступления на слушаниях в сенате [Reischauer. 1986: 102-103]²¹. То, что японцы так быстро забыли Макарута, было связано не только с его неудачным высказыванием в их адрес. Поражение в войне и оккупация страны, несмотря на всё то, полезное и важное, что Япония получила от завоевателей, вряд ли можно назвать приятным опытом и воспоминанием, предназначенным для долгого хранения.

References

- Bisson Th. *Zaibatsu Dissolution in Japan*. Berkeley, University of California Press, 1954, 314 p.
- Dower J. *Empire and Aftermath. Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878-1954*. Council on East Asian Studies, New York: Harvard University, 1979, 618 p.
- Dower J. *Japan in War and Peace*. New York: W.W. Norton & Co.Inc., 1993, 368 p.
- Finn R. *Winner in Peace. MacArthur, Yoshida, and Postwar Japan*, University of California Press, Berkeley, 1992, 413 p.
- Hadley E. *Antitrust in Japan*, Princeton: Princeton University Press, 1970, 542 p.
- Hunsberger W. *Japan and the United States in World Trade*. New York: Harper & Row, 1964, 492 p.
- LaFebr W. *The Clash. U.S.-Japanese Relations Throughout History*. New York: W.W. Norton & Co., 1997, 508 p.
- MacArthur D. *Reminiscences*. New York: Crest Books, 1964, 496 p.
- Masumi Junnosuke. *Postwar Politics in Japan, 1945-1955*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1985, 420 p.
- Miyazawa Kiichi. *Tokyo-Washington no Mitsudan (Секретные переговоры между Токио и Вашингтоном)*. Tokyo: Bigokai, 1975, 356 p.

²¹ Райшауэр достаточно объективно относился к Макаруту и много позже писал о своём решении отклонить предложение генерала занять пост политического советника штаба. "Он слишком эгоистичен для того, чтобы терпеть достаточно сбалансированную точку зрения", – писал Райшауэр [Reischauer Ed. 1986: 102-103].

Nanto Dick, The United States Role in the Postwar Economic Recovery of Japan, Harvard University, 1977, 128 p.

Reischauer Ed. My Life Between Japan and America, N.Y.: Harper and Row, 1986, p. 102-103.

Reischauer Ed., The United States and Japan, Cambridge (Mass) Harvard University Press, 2014, 422 p.

Schonberger H., Aftermath of War: Americans and the Remaking of Japan, 1945-1952, Kent State University Press, Kent, OH, 1989, 347 p.

Schonberger H., Zaibatsu Dissolution and the American Restoration of Japan. // Bulletin of Concerned Asian Scholars, vol. 5, no.2, September 1973, p. 16-31.

History

USA – Japan: Occupation, Second Period (1948 - April 1951)

(USA ❖ Canada Journal, 2017, No. 6, p. 65-82)

Received 6.03.2017.

NOSOV Mikhail Gregorievich – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya st., 125009 Moscow, Russian Federation (*mikhail-nosov@mail.ru*).

After successfully completed the first stage of the occupation, the main task of which was the demilitarization of Japan, the United States decided to reconsider its policy towards Japan. The new stage of occupation was called the "reverse course." By the middle of 1948, the rapid disintegration of the world in two political systems and problems faced by Japan had intensified the U.S. intention to change the occupation policy vector toward restoring the Japanese economic potential and turning Japan into Washington's ally.

Keywords: *U.S.A., MacArthur, Truman, "reverse course".*

About the author:

NOSOV Mikhail Gregorievich, Doctor of Sciences (History), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences. Deputy Director for Scientific Work.